

Jelena Tarasowa

DOI: 10.15290/bb.2019.11.21

Białoruski Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny

im. Maksima Tanki, Mińsk

<https://orcid.org/0000-0002-1157-4806>

Феномен страха в «военных» рассказах Амброза Бирса

Одним из ключевых понятий в культуре и литературе в частности, оказывающих мощное влияние на человека, является страх, который неразрывно связан с категорией нравственности. Феномен страха приобретает особенно важное значение в переломные периоды развития общества. Интерес американского писателя к природе сверхъестественного был вызван, безусловно, прозой Эдгара По, в творчестве которого А. Бирс находил близкие своему настроению темы. А. Бирсу на удивление легко удавалось совмещать сюжет, полный тайн и загадок и очень сдержанную и сжатую форму повествования. Как и Э. По, главную задачу А. Бирс видел в том, чтобы вызвать у читателя сильные эмоциональные переживания. Литературовед Г. Левин полагает: *Прием подводит всевозрастающее напряжение к драматическому кризису заимствован им [Бирсом – Е.Т.] у По, но кошмары Бирса имеют более реалистическую мотивировку*¹. Американский исследователь А. Галлетт, характеризуя стиль американского писателя, пишет: *Характерными чертами малой прозы Амброза Бирса являются утонченность, отрывистость стиля и дотошность в деталях*².

«Малая» проза А. Бирса отличается повышенной эмоциональной напряженностью, яркой художественной выразительностью, глубиной

¹ Г. Т. Левин, *Открытие Богемы*, [в:] *Литературная история Соединенных Штатов Америки. В 3 т.*, Москва 1979, т. 3, с. 162.

² А. Гуллетте, *Амброзе Бьерце, Мастер оф тхе Мацабре*, [online], <http://alangullette.com/lit/bierce/master.htm> [dostęp: 03.02.2019].

и лаконизмом повествования. А. Бирс пристально следит за тем, чтобы ни малейшая деталь не ускользнула из поля зрения читателя, ведь именно по причине этих мелких деталей и тщательно вырисованной обстановки складывается нужное впечатление. В бирсовской прозе, как правило, присутствует элемент недосказанности, чтобы читатель самостоятельно сделал выводы из прочитанного. Даже в «военных» произведениях, описывающих ужасы Гражданской войны в США, присутствует элемент тайны.

Причинами страха в рассказах писателя являются обитатели леса, природные силы, которые не может постичь человеческий разум. Но самый ужасный страх, как считает художник, – не страх перед природой, а страх перед человеком, чья жестокость не ведает предела: истребление индейцев, ужасы войны, линчевания рабов, преследование и гонение инакомыслящих. Персонажи А. Бирса чаще всего погибают не от удара сабли или выстрела из револьвера, а от необъяснимого сверхъестественного страха. Литературовед В.Л. Гопман пишет: *Бирс оставляет человека один на один с напряженным ожиданием приближающегося неизбежного ужаса; чувство это пугает сильнее, чем сам страх (возникает оно нередко и во сне). Рациональное объяснение Бирс отвергает, поэтому Неизвестное предстает у него в виде таинственных звуков, шорохов, «знаков предвестий ночи»³.*

Рассказы А. Бирса – громкий протест против насилия и террора личности как в мирное, так и в военное время. Гражданская война сыграла огромную роль в формировании А. Бирса как человека и писателя. Война предоставила широкий спектр тем для рассказов, в которых показаны ужасающие картины «очарованности» смертью. Война в изображении американского автора – это не красивый мундир, не яркий парад с оркестром, война – это отвратительные ужасы, кровавая бойня. На войне человек раскрывает те качества, ту сторону своей сущности, о которых, возможно, никто никогда не узнал бы. Война – это то испытание, в котором человеческие качества проверяются на прочность. Боевые действия дали писателю огромный материал для исследования человеческой личности в экстремальных условиях. В некоторых произведениях писателя, не имеющих отношения к боевым действиям, война служит аллегорией, за которой читатель должен увидеть нечто большее и существенное.

³ В. Л. Гопман, *Литература серьезная, значительная, нужная...*, [online], <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/gopman-literatura-sereznaya.htm> [dostup: 15.02.2019].

«Случай на мосту через Совиный ручей» – один из лучших рассказов А. Бирса о тайнах человеческого разума. Герой Пейтон Факуэр – плантатор и рабовладелец, яростный борец за права граждан Юга, *человек штатский по наружности, но солдат в душе*⁴ – приговорен армией Севера к смерти через повешение. Писатель, используя рамочную композицию, начинает произведение с детально прорисованной обстановки. Вся ситуация в какой-то степени напоминает театральное действие: помост из досок, на котором стоит герой, часовые-зрители. Факуэру надлежит упасть в пролет моста, и таким образом приговор будет приведен в исполнение. Рассказ насыщен символами, напоминающими о приближении смерти: мост, соединяющий два берега, словно связывает мир живых и царство мертвых; тиканье часов отмеряет оставшееся время. Но что-то пошло не так – веревка обрывается, и герой падает в воду.

Писатель заставляет читателя почувствовать резкое сдавливание шеи жертвы веревкой, пульсирующие толчки крови, прохладу воды. Автор мастерски передает ощущения человека, который несколько секунд назад чуть было не попрощался с жизнью, но у которого неожиданно появилась надежда на спасение. Пейтон Факуэр пытается высвободить в воде связанные руки, снять петлю с шеи. И хотя его сознание еще не в полной мере осознало, что произошло, тело героя ведет отчаянную борьбу за выживание. Чувства персонажа настолько обострены, что самые обычные вещи кажутся невероятно прекрасными:

Теперь он полностью владел своими чувствами. Они даже были необычайно обострены и восприимчивы. Страшное потрясение, перенесенное его организмом, так усилило и утончило их, что они отмечали то, что раньше было им недоступно. Он ощущал лицом набегающую рябь и по очереди различал звук каждого толчка воды. Он смотрел на лесистый берег, видел отдельно каждое дерево, каждый листик и жилки на нем, все вплоть до насекомых в листве – цикад, мух с блестящими спинками, серых пауков, протягивающих свою паутину от ветки к ветке. Он видел все цвета радуги в капельках росы на миллионах травинок. Жужжание мошкеры, плясавшей над водоворотами, трепетание крылышек стрекоз, удары лапок жука-плавунца, похожего на лодку, приподнятую веслами, – все это было внятной музыкой. Рыбешка скользнула у самых его глаз, и он услышал шум рассекаемой ею воды⁵.

⁴ А. Бирс, *Случай на мосту через Совиный ручей*, [в:] *Может ли это быть?*, Москва 1995, с. 203.

⁵ Там же, с. 205.

Факуэр благополучно выбирается из воды, очистившей его от бремени прошлого, герой переживает второе рождение и как ребенок радуется обычным вещам, которых раньше не замечал. Он ступает на пустынную дорогу, которая, как ему кажется, приведет к дому.

Неожиданно в рассказе происходит резкая смена обстановки – пропадает умиротворенный пейзаж, все мрачно и враждебно вокруг, нет ни единой живой души:

Черные стволы могучих деревьев стояли отвесной стеной по обе стороны дороги, сходясь в одной точке на горизонте, как линии на перспективном чертеже. Взглянув вверх из этой расселины, в лесной чаще он увидел над головой крупные золотые звезды – они соединялись в странные созвездия и показались ему чужими. Он чувствовал, что их расположение имеет тайный и зловещий смысл. Лес вокруг него был полон диковинных звуков, среди которых – раз, второй и снова – он ясно расслышал шепот на незнакомом языке⁶.

Бирсовский герой видит ворота своего дома, супругу на крыльце, все так, как было раньше. Факуэр хочет обнять жену, *как вдруг яростный удар обрушивается сзади на его шею; ослепительно-белый свет в грохоте пушечного выстрела полыхает вокруг него – затем мрак и безмолвие!*

Пэйтон Факуэр был мертв; тело его, с переломанной шеей, мерно покачивалось под стропилами моста через Совинный ручей⁷.

Сцена на мосту у А. Бирса напоминает состояние Андрея Болконского перед смертью. Достижение А. Бирса как писателя и психолога в том, что он, как и Л.Н. Толстой, выявил работу умирающего сознания. Это доказывает тезис З. Фрейда о том, что бессознательное до него открыли великие художники слова: *Однако художники – ценные союзники, а их свидетельства следует высоко ценить, так как обычно они знают множество вещей меж небом и землей, которые еще и не снились нашей школьной учености. Даже в знании психологии обычного человека они далеко впереди, поскольку черпают при этом из источников, которые мы еще не открыли для науки⁸.*

⁶ А. Бирс, *Случай на мосту через Совинный ручей*, [в:] *Может ли это быть?*, с. 205.

⁷ Там же, с. 208.

⁸ З. Фрейд, *Бред и сны в «Градиве» В. Иенсена*, [online], http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/bred_cn.php.

Таким образом, А. Бирс ведет своеобразную игру с читателем, заставляя его спрогнозировать якобы счастливый конец истории. В рассказе время реальной казни героя занимает мгновения, но время в параллельном воображаемом героем мире значительно протяженней. Из этого следует, что фантазия героя становится и его тюрьмой, откуда нет пути к бегству, и его спасением перед жестокой реальностью происходящего. А. Бирс так ярко передает игру воображения человека в страстной борьбе за жизнь и его волю к жизни, что даже в самой трагической ситуации кроется спасительная надежда выжить. Рассказ оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя. Американский писатель талантливо нарисовал возможный вариант спасения человека, а затем столь же талантливо опроверг иллюзию спасения героя. Страх не парализовал волю персонажа, он побудил его к воображаемому действию, и это сделало финал еще более трагическим.

Сверхъестественный момент присутствует и в рассказе «Жестокая схватка». Рассказ необычен тем, что причиной смерти солдата становятся не боевые действия, а воображение героя. Брейнерд Байринг – храбрый в бою лейтенант, и в то же время крайне чувствительный к мертвым телам. А. Бирс в рассказе показывает свое отношение к смерти, в которой не видит ничего возвышенного.

В то время, когда с трибун говорили о доблестной смерти в бою, рассуждали о чести пасть в бою за родину, смерть казалась романтической и возвышенной. А. Бирс как участник войны знал, что это не так. В смерти нет романтики, она ужасна. Оставленные трупы убитых солдат, не захороненные, подверженные разложению, могли подолгу лежать на поле боя. А. Бирс пишет о смерти: *Для Байринга не существовало того, что другие благоговейно называют «величием смерти». Это понятие было для него невысказано. Смерть можно только ненавидеть. В ней нет ни живописности, ни нежности, ни торжественности – мрачная штука и мерзкая, с какой стороны ни посмотри*⁹.

Герой из «Жестокой схватки» ночью находится на посту в лесу совсем один. Мрак ночи способен навести ужас даже на самых отважных, и воображение солдата рисует невероятно безумные картины, а ухо слышит звуки, которые при дневном свете человек даже не уловил бы. Глубоко в человеческом подсознании кроется страх темноты, доставшийся в наследство от предков. Ночь ассоциируется с разгулом злых сил и демонов. Внимание лейтенанта привлечено предметом на траве,

⁹ А. Бирс, *Жестокая схватка*, [в:] *Может ли это быть?*, с. 179.

который оказался трупом солдата. Байринг не может отделаться от ощущения, что мертвое тело приближается к нему. *Байринга охватило какое-то безотчетное, доселе незнакомое ему чувство. Это был не страх, а скорее ощущение присутствия чего-то сверхъестественного, во что он никогда не верил*¹⁰, – отмечает писатель.

Герой, будучи человеком образованным, пытается найти объяснение своим ощущениям, усматривая их источник в традициях и ритуалах предков. Древние, действительно, наделяли мертвые тела сверхъестественной силой. Сознание людей постепенно эволюционировало, но страх перед мертвыми навсегда остался у человека в крови. Люди верили, что человеческая душа не успокоится, пока тело не будет предано земле. Непогребенные всегда являлись источниками болезней и эпидемий.

Самолюбие не позволяет герою «Жестокой схватки» покинуть пост, но в то же время присутствие мертвеца доставляет Байрингу неопишуемые мучения. Навязчивая идея о движущемся трупе полностью завладела сознанием героя:

Он был вконец напуган. Байринг бежал бы отсюда со всех ног, однако ноги не слушались его: они подкосились, и лейтенант снова сел на ствол дерева, дрожа как в лихорадке. Лицо его взмокло, все тело обдало волной холодного пота. Он не в силах был даже крикнуть. Отчетливо слышал он позади себя чьи-то крадущиеся шаги, точно поступь зверя, но не смел оглянуться. Неужто лишенные души живые существа вступили в союз с лишенным души мертвым телом? Был ли то действительно зверь? Ах, если бы он мог убедиться в этом! Но никаким усилием воли не мог он заставить себя оторвать взгляд от мертвеца!¹¹

Утром при осмотре местности нашли в луже крови заколотого шпагой героя. Каково было удивление его товарищей, когда выяснилось, что соперник Байринга уже давно был мертв. Таким образом, сознание героя-лейтенанта вступило в схватку с мертвым телом и потерпело поражение. Ужас способен свести человека с ума и лишить его здравого смысла. Финал рассказа открыт, читателю самому предстоит решать, совершил ли солдат самоубийство, либо верить в предания о воскрешении умерших.

В «военных» рассказах бирсовский герой запечатлен в высшей точке душевного напряжения, когда он проявит либо силу, либо слабость

¹⁰ Там же, с. 181.

¹¹ Там же, с. 183.

духа. А. Бирс презирал духовную слабость в людях, *потому что за оптимизмом, которым была преисполнена его эпоха, распознавал тайный бездонный ужас перед неведомым и грозным, капитуляцию перед лицом самых трудных вопросов человеческой жизни*¹², – отмечает российский исследователь А. Зверев. Присутствие сверхъестественного элемента в «военных» рассказах усиливает ужас происходящего. Каждый рассказ американского писателя есть конфликт человека со своими моральными убеждениями, с совестью. А. Бирс, будучи тонким психологом, проводит скрупулезный анализ процесса зарождения страха, где реакция героев на опасность указывает на их внутреннюю слабость. Именно краткая форма рассказа позволяет писателю запечатлеть в сжатой форме наиболее судьбоносные моменты жизни человека.

L I T E R A T U R A

- Gullette A., *Ambrose Bierce, Master of the Macabre*, [online], <http://alangullette.com/lit/bierce/master.htm>, [dostęp: 03.02.2019].
- Birs A., *Žestokaâ shvatka*, [v:] *Možet li èto byt'?*, Moskva 1995 [Бирс А., *Жестокая сватка*, [в:] *Может ли это быть?*, Москва 1995].
- Birs A., *Slučaj na mostu čerez Sovinyj ručej*, [v:] *Možet li èto byt'?*, Moskva 1995 [Бирс А., *Случай на мосту через Совинный ручей*, [в:] *Может ли это быть?*, Москва 1995].
- Gopman V. L., *Literatura ser'eznaâ, značitel'naâ, nužnaâ...*, [online], <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/gopman-literatura-sereznaya.htm>, [dostęp: 15.02.2019] [Гопман В. Л., *Литература серьезная, значительная, необходимая...*, [online], <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/gopman-literatura-sereznaya.htm>, [dostęp: 15.02.2019].
- Zverev A., *Kоротко о Бирсе*, [v:] Birs A., *Možet li èto byt'?*, Moskva 1995 [Зверев А., *Коротко о Бирсе*, [в:] Бирс А., *Может ли это быть?*, Москва 1995].
- Levin G. T., *Otkrytie Bogemy*, [v:] *Literaturnaâ istoriâ Soedinennyh Štatov Ameriki*, t. 3, Moskva 1979 [Левин Г. Т., *Открытие Богемы*, [в:] *Литературная история Соединенных Штатов Америки*, т. 3, Москва 1979].
- Frejd Z., *Bredi sny v «Gradive» V. Iensena*, [online], http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/bred_cn.php, [dostęp: 15.02,2019] [Фрейд З., *Бред и сны в «Градиве» В. Иенсена*, [online], http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/bred_cn.php, [дostęp: 15.02,2019].

¹² А. Зверев, *Коротко о Бирсе*, [в:] Бирс А. *Может ли это быть?*, с. 7.

S U M M A R Y

THE PHENOMENON OF FEAR IN “WAR” STORIES BY A. BIERCE

The article is devoted to the phenomenon of fear in A. Bierce's («An Occurrence at Owl Creek Bridge», «A Tough Tussle») war stories. The fear works as a catalyst that stimulates characters to act. Spiritual and moral strength of characters in all his works have been analyzed.

Key words: war stories, fear, supernatural, moral conflict.